

Deja Lu

и другие истории

Игорь Ревва

Игорь Ревва

Déjà Lu и другие истории

«Издательские решения»

Ревва И.

Déjà Lu и другие истории / И. Ревва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939316-6

Сборник рассказов, написанных в разное время и в разных жанрах, начиная от мистики и «потока сознания» и заканчивая детективом. Почему некоторые люди празднуют день своего рождения ежедневно?.. Чем может быть опасно горячее увлечение филателией?.. Какие мысли приходят в голову человеку, когда тому на ночь глядя вышибают мозги из пистолета?.. Чем чревато для писателя увлечение своей мечтой?.. И как быть с женой, если она вдруг превратилась в крысу? Приятного вам чтения!..

ISBN 978-5-44-939316-6

© Ревва И.

© Издательские решения

Содержание

День рождения	6
Филателист	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Déjà Lu и другие истории

Игорь Ревва

© Игорь Ревва, 2019

ISBN 978-5-4493-9316-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День рождения

Писатель Васечкин никогда не писал рассказов – он ДЕЛАЛ ВЕЩИ. Иногда они у него получались, чаще – нет. Тогда Васечкин расстраивался, разбивал их об пол и долго и злобно мочился на осколки. Когда же вещь получалась, Васечкин радовался и показывал её друзьям – супружеской чете Слонов, Мусорщику и Реальности.

Вообще-то, Реальность следовало бы упомянуть первой. Во-первых, потому, что Васечкин её очень любил, а во-вторых, потому что она болела.

Заболела она совсем недавно, и сейчас Васечкин ждал, когда же она выздоровеет. Болезнь Реальности была не очень тяжёлой – однажды её сбил несущийся на полном ходу грузовик. Сбил, расплескав по песку дорогой коньяк из бутылки, которую она несла Васечкину в подарок на День рождения. Коньяк быстро впитался в песок, но винограда на том месте не выросло, а выросла какая-то дрянь с большими колючками и слезящимися гноем глазами на длинных и сморщенных ушах. Есть это было нельзя, и вообще – оно кололось, как смешной и глупый дикобраз, живший у Васечкина под подушкой. С тех пор Васечкин коньяка больше не употреблял, а День рождения был у него всегда. И тогда Васечкин открывал бутылку водки, выпивал один стакан и с улыбкой думал о том, как хорошо они будут жить с Реальностью, когда та выздоровеет. Тогда в этой квартире будет вновь хозяйничать Реальность, а не супружеская чета Слонов, вечно отвлекающая Васечкина от делания вещей.

Вообще-то, Слоны не были такими уж скверными – они были занудливыми, что намного хуже. Слоны вечно издавали громкие и непонятные звуки, похожие на ворчание шкафа, топали по квартире и пытались накормить Васечкина едой, которую приносили из дому. Приносили они всегда одно и то же – замороженные булжники и размоченный в тоске воздух с городской площади. Всё это было невкусное. Васечкин из вежливости делал вид, что ест, но на самом деле потихоньку скармливал всю порцию большому медведю, который жил этажом ниже и высовывал голову в квартиру Васечкина прямо под кроватью. Слоны ничего не замечали, а если бы заметили, то начали ругаться и прогонять медведя, к которому Васечкин уже привык. Вообще-то Слоны были хорошие и добрые, они просто не понимали, что у Васечкина всегда День рождения и он просто ждёт, когда же выздоровеет Реальность, которой Слоны нравились, и которая почему-то не очень любила Мусорщика. Хотя Мусорщик и был хорошим – он понимал, что у Васечкина День рождения, и никогда не докучал ни ему, ни Дню его рождения ерундой, подобной ворчанию шкафа или кормлению большого медведя замороженными булжниками и размоченным воздухом. Но у Мусорщика были другие недостатки: он заставлял Васечкина делать гадости.

Когда Васечкин хвастался перед Мусорщиком своей новой вещью, тот всегда хвалил её и было видно, что вещь ему на самом деле очень понравилась. Но Мусорщик часто просил сделать вещь и для него. И когда Васечкин выполнял пожелание, Мусорщик хмурился и неодобрительно качал головой, хотя вещь и получалась хорошей. А потом Мусорщик говорил, что этого не напечатают и надо из вещи сделать гадость. Васечкин отказывался, кричал на Мусорщика и сравнивал его с мудаком, который жил у Васечкина в зеркале. Но Мусорщик умел уговаривать, и в конце концов Васечкин переделывал вещь в гадость. Тогда Мусорщик оставался доволен, забирал гадость, а на следующий день приносил Васечкину какие-то разноцветные бумажки с цифрами, которые при случае забирала постоянно ворчащие Слоны, вечно топавшие по квартире, где должна была бы хозяйничать Реальность.

Васечкина это все утомляло, но он не мог жить совсем без друзей пока его Реальность не выздоровеет. По правде говоря, кроме друзей у Васечкина никого и ничего не было. В его квартире находились только пишущая машинка, зеркало, отражавшее какого-то бородатого мудака, и компакт-диск с концертом «Help!». Всё остальное даже не заслуживало упоминания.

Зеркалом Васечкин не пользовался, потому что мудаков не любил, особенно этого. Он всегда показывал Васечкину язык, плевался и вообще вёл себя непорядочно.

На машинке Васечкин делал вещи и гадости, которые нужны были Мусорщику. Когда машинка была свободна, она вела с Васечкиным разговоры о погоде и облысевших комарах, которых в этом году стало особенно много. Машинка была уверена, что комары лысеют от скверного воздуха, а Васечкин считал, что это от коньяка на песке, на месте которого вырастает не виноград, а непонятная колючая дрянь с глазастыми ушами. Они с машинкой часто спорили об этом, и Васечкин, в доказательство своих слов, приносил штопор, открывал бутылку скверного воздуха, залпом проглатывал её содержимое и с остервенением дёргал себя за волосы.

Иногда Васечкин с машинкой шли гулять на кухню, которая была самым опасным местом в квартире, потому что там водились портреты. Они ползали по стенам и потолку, и на каждом из них была изображена Реальность. Но портреты всегда показывали её Васечкину вверх ногами, и Васечкин очень расстраивался и начинал ругаться. Тогда портреты сползались к нему и принимались кусать за руки. Это было очень больно, и запястья у Васечкина вечно были в следах от укусов. Слоны очень огорчались и начинали плакать, увидев на следующий день эти следы. Они шли на кухню и охотились на портреты. Но никогда ещё им не удавалось изловить их все, и по ночам Васечкин часто слышал неприятный хруст стекла, которым портреты утоляли голод после того, как на них охотились Слоны, которых портреты не боялись так сильно, как машинку.

Машинка вызывала у портретов страх, потому что у неё были буквы, которыми она могла сделать вещь про эти самые портреты. И тогда бы портреты стали уже не страшными, а глупыми и смешными, совсем как дикобраз, живший у Васечкина под подушкой, про которого однажды машинка уже сделала вещь. Васечкину же буквы очень нравились, особенно когда он сам делал из них вещи. Но даже когда он их не делал, с машинкой всё равно было приятно беседовать или гулять.

После бесед или прогулки с машинкой Васечкин всегда брал компакт-диск. Это был его любимый и единственный диск, и Реальности он тоже очень нравился. Диск был очень хороший, его можно было слушать, под него можно было петь, а когда надоедает – просто катать по полу или смотреть сквозь него на солнце.

Васечкин часто катал диск, особенно по ночам, когда солнца в темноте было не разглядеть, а книжный шкаф начинал громко шуметь, возмущённый пением Васечкина. Шкафу не нравилось, как Васечкин поёт, потому что «Help!» в его исполнении был просто ужасен. Васечкин это знал и не обижался на шкаф – что с него взять, придурка деревянного?! Спорить с ним бесполезно, лучше прекратить петь и покатать диск по полу или просто послушать его (диск можно было слушать на чём угодно – хоть на холодильнике, хоть на том месте, где когда-то был телевизор). Жаль только, что слушать его приходилось одному, без Реальности – машинка не в счёт, она в музыке понимала меньше, чем Васечкин в надкусанных лыжах. Вот Реальность в музыке разбиралась превосходно. Если бы она была здесь, думал Васечкин, она бы и портреты прогнала. Или хотя бы отобрала у них своё изображение, которое те вечно показывают вверх ногами. Потому что нельзя показывать вверх ногами, когда у Васечкина День рождения. А День рождения у Васечкина был всегда.

Васечкин каждый вечер с нетерпением ждал, когда же к нему придёт Реальность. Он ставил машинку на пол, застилал стол чистыми газетами, разгонял по углам нехороших насекомых, выпроваживал смешного и глупого дикобраза в ванную комнату и садился на диван – ждать. Он знал, что когда она придёт, то сразу же скинет туфли, легко подбежит к Васечкину и нежно поцелует его в щёку. Всё остальное будет потом, и всё снова будет, как раньше. Он покажет Реальности свои новые вещи, и она их внимательно прочтёт, и тихим голосом скажет: «Клёво!..» И если вещь будет весёлая, то она будет смеяться, а если грустная – глаза её

сделаются влажными. А потом они поужинают и лягут в постель, и будут любить друг друга до самого утра.

Но она не приходила, потому что болела. Любой бы заболел, попав под грузовик – это Васечкин понимал и разговаривал с Реальностью только мысленно. Мысленно же он и показывал ей новые вещи, и она смеялась или грустила в зависимости от того, какой получалась у Васечкина вещь, весёлой или грустной. И говорила: «Клёво!..». И целовала его в щёку. Но всё это было только мысленно. А наяву Васечкин никогда не мог её дождаться, хотя и сидел совершенно неподвижно.

Нехорошие насекомые, видя, что Васечкин долго не шевелится, снова начинали наглеть и носиться по комнате, скрежеща облезлыми хвостами о поцарапанный дым. А дикобраз в ванной принимался громко выть от тоски и от того, что он смешной и глупый. Васечкин пытался заглушить его вопли пением, но тут уж начинал шуметь шкаф. Тогда Васечкин окончательно понимал, что сегодня Реальность опять не придёт. Он замолкал, выпускал дикобраза из ванной, вытряхивал из своих карманов змей, кроликов, бильярдные шары и прочий мелкий мусор и садился делать новую вещь. Иногда они у него получались, чаще – нет. Хорошо, что никто не видел те вещи, которые не получались. Они могли бы расстроить кого угодно, даже Мусорщика, который никогда не расстраивался, потому что гадости любил гораздо больше хороших вещей.

Мусорщик неплохо различал гадости и вещи, но он почему-то всегда просил Васечкина делать из вещей гадости, и никогда – наоборот. А это Васечкину не нравилось, потому что гадостей на его книжной полке и так хватало.

А однажды Мусорщик принёс ему что-то непонятное. Вначале Васечкин подумал, что это хорошая вещь, но когда принялся изучать внимательнее, то понял – гнуснейшая гадость, кое-как слепленная в большой и уродливо-скользкий комок из всех тех гадостей, что Васечкин делал для Мусорщика. А Мусорщик, держа в руках эту большую гадость, попросил сделать вещь, которая бы отображала её сущность, вкратце сообщала о том, что этот уродливо-скользкий комок собой представляет. Васечкин отказываться не стал (очень уж ему не понравилась гадость Мусорщика!) и через час вещь была готова.

Мусорщик посмотрел её и начал ругаться. Он громко возмущался и кричал, что это не вещь, а херня, хотя Васечкин хорошо помнил, что делал не херню, а вещь. Он брызгал слюной и называл Васечкина неблагодарной скотиной, хотя из скотины в доме жили только смешной и глупый дикобраз под подушкой и сиреневое облачко, до той поры мирно дремавшее под столом, а сейчас выплывшее на крики Мусорщика и удивлённо распутившее свои хвостики; а большого жирафа, жившего на люстре и недоумённо смотревшего оттуда на Васечкина, скотиной можно было не считать, потому что он ловил сны и совершенно не обращал внимания на вопли Мусорщика, который кричал и ругался всё громче и громче.

Васечкин даже испугался, что Мусорщик сошёл с ума – было очень похоже, особенно когда тот стал называть Васечкина бородатым мудаком. Васечкин подумал, что у Мусорщика случилось что-то плохое, может быть даже, что он потерял свою новую вещь. Он попытался выяснить, в чём дело, но Мусорщик не слушал его и кричал до тех пор, пока Васечкин не попытался спрятаться в спичечной коробке. И тогда Мусорщик сильно ударил Васечкина.

Васечкин упал и больно стукнулся об пол, засыпный обрывками влажной и липнувшей к щеке бумаги. Он никак не мог понять, почему Андрейкин так на него кричит? Не понравилась рецензия? Но ведь его новый роман действительно дрянь! Впрочем, почему: его?! Половину романа для Андрейкина писал Васечкин – он не мог не узнать те фрагменты, которыми постоянно донимал его Андрейкин. И зачем же так орать? Не хочешь платить – не плати. Всё равно деньги Свиридовы заберут – они всегда их забирают, они же не обязаны кормить Васечкина за свой счёт. Но кричать-то зачем? Зачем обзывать Васечкина сволочью? Зачем брызгать слюной и орать, что Васечкин и раньше-то был придурком, а после смерти Тани последний ум

потерял? Зачем сбрасывать на пол пишушую машинку? Зачем пинать ногами шкаф? Зачем швырять в стену «Help!» – любимый диск Тани... которая всё никак не приходит... потому что она болеет...

Васечкину всё-таки удалось спрятаться в спичечный коробок. Он с опаской прислушивался к тому, как Мусорщик топает по комнате, постепенно успокаиваясь. Как он шумно дышит, ворчит что-то непонятное, а потом уходит, громко хлопнув вздрогнувшей от мороза дверью.

Тогда Васечкин выбрался из спичечного коробка и облегчённо вздохнул. Он успокоил пишушую машинку, у которой от крика Мусорщика разболелись буквы; он аккуратно поднял с пола компакт-диск и нежно протёр его ладонью; он поцеловал обиженный шкаф, которому вообще не по делу досталось.

А потом Васечкин, не обращая внимания на злорадный скрежет портретов, доносившийся из кухни, потащил смешного и глупого дикобраза в ванную комнату. Затем он разогнал по углам нехороших насекомых, подмигнул сиреневому облачку под столом, застелил стол чистыми газетами и сел на диван. Он решил подождать Реальность. Сегодня она непременно должна прийти, ведь сегодня у Васечкина День рождения. И Васечкин решил, что уж сегодня-то он обязательно её дождётся. Потому что, не может же Реальность так долго не приходить. Даже если она болеет. Просто нужно хорошенько её подождать, и всё снова будет, как раньше. Потому что сегодня у Васечкина – День рождения.

Филателист

– ...Причина смерти – отравление цианидом...

– Что?! – нахмурился Отто Фогель. – Как вы сказали?

– Цианистый калий, – врач захлопнул блокнот. Весь его облик просто кричал о том, что врачу известна некая потрясающая тайна, о которой глупый инспектор Отто Фогель пока ещё даже и не догадывается.

Фогель недоумённо огляделся по сторонам. В кабинете не было ни чашки с кофе или даже стакана с водой, ни каких-либо иных продуктов. Покойный даже не курил, и возникшая было у Фогеля идея отравленных сигаретных фильтров или трубочных чубуков мгновенно отпала. Неужели самоубийство?! Но как же тогда телефонный звонок?

– Он что-нибудь ел? – всё-таки спросил у врача Фогель. – Или пил?

– Нет, – врач выглядел так, словно его распирало от обладания великой тайной. – Не ел и не пил. Он наклеивал марки.

Фогель молча уставился на врача. «Чёрт, как же его зовут-то? Врача этого...» – подумал вдруг Фогель ни с того, ни с сего.

Врач был из соседнего – второго – участка и сегодня подменял заболевшего Карла Готтлифа. Манера разговора у этого врача была непривычная и неприятная – начав говорить, он через несколько слов замолкал, ожидая реакции собеседника. И сейчас на его физиономии явственно было написано: «Давай! Спроси у меня! Спроси, как этот чёртов старик ухитрился наглотаться цианида! Спроси, и я отвечу! Или просто произнеси: „ну?“, неужели это так сложно?!»

«Не дождёшься», – подумал Фогель, продолжая сверлить врача взглядом.

Врач, видимо, и сам уже понял, что «не дождётся», и начал свои пояснения. Только тон у него сделался ленивым и каким-то снисходительно-небрежным, будто одолжение оказывал.

– Скорее всего, цианид был нанесён на почтовые марки. На каждой марке с обратной стороны имеется слой клея...

«А на лицевой стороне у них имеется рисунок...» – мысленно закончил за него Фогель, но вслух ничего не сказал.

– ...который нужно увлажнить, чтобы марка прилипла к конверту, – продолжал говорить врач. – Обычно их облизывают языком...

– Я знаю, как обращаются с почтовыми марками, – прервал его разглагольствования Фогель.

Врач тут же заткнулся и принялся разглядывать потолок. Словно пытался определить, имеется ли слой клея на его белоснежной поверхности. Фогель бросил на врача недовольный взгляд и отвернулся к шкафу, где на полочках аккуратно выстроились какие-то наградные кубки.

«Наверное, он когда-то был спортсменом», – подумал о покойнике Фогель, и тут же вспомнил, что умершему было лет под семьдесят. А кубки эти выглядят совсем новыми.

Фогель подошёл к шкафу и принялся читать медные таблички, которыми были снабжены подставки кубков.

«Филателистическая выставка в Мюнхене. 1989 год. Первая премия», «Восемнадцатая Венская филателистическая выставка. 1982 год. Первое место», «Золотой конверт. Международная филателистическая выставка. Ульма. 1993 год».

Фогель слегка растерялся. Ему трудно было представить, что среди собирателей почтовых марок проводится что-то вроде спортивных состязаний. Но наградные кубки были ярким тому доказательством.

Их было много, двадцать девять штук. И на некоторых надписи были сделаны не по-немецки – английские, французские, русские... кажется, даже, испанские или итальянские тексты возвещали, что покойный был далеко не простым коллекционером. О том же свидетельствовали и многочисленные дипломы, заключённые под стекло и развешанные по стенам кабинета. Окончательно доконали Фогеля благодарность от правительства, подписанная лично вице-канцлером, и сертификат эксперта, выданный Международной Почтовой Ассоциацией (Вена, Австрия, 1982 год).

Эксперт? По почтовым маркам?! Хм... Трудно даже представить себе. Впрочем...

Говорят, что некоторые марки стоят очень и очень дорого. И говорят так же, что их иногда подделывают.

Фогель кивнул своим мыслям и нахмурился. Действительно, подделка марок – это большие деньги. Где-то он читал, что за одну из марок кто-то заплатил чуть ли не десять тысяч евро...

Фогель не знал, имеются ли на свете банкноты такого номинала. Но он был уверен, что подделать купюру гораздо сложнее, нежели маленький кусочек бумаги, каковым и является почтовая марка. На марках не бывает защиты... или бывает? Чёрт их знает!.. Да, действительно, экспертиза почтовых марок – дело нужное. И наверняка, неплохо оплачиваемое. Человек среднего достатка не смог бы позволить себе содержать такой дом.

Обстановка в кабинете свидетельствовала о том, что достаток хозяина был гораздо выше среднего. Один ковёр на полу стоил намного больше, нежели инспектор Фогель мог заработать за десять лет своей безупречной службы. Остальные комнаты дома роскошью своей не уступали кабинету. И всё было обставлено со вкусом, без излишней показухи.

Кроме того, Отто Фогеля поразил порядок, царивший в кабинете. Самого инспектора нельзя было упрекнуть в неряшливости. Однако даже он был удивлён увиденным.

Каждый наградной кубок на полках шкафа стоял на своём месте, расстояние между подставками, стенкой шкафа и краем полки были совершенно одинаковыми, все металлические части их сверкали, ни пылинки, ни соринки – ни на самих кубках, ни на полках...

Фогель приподнялся на цыпочки, провёл ладонью по верхней части шкафа и несколько секунд рассматривал идеально чистые пальцы. Видимо, уборка производилась здесь каждый день. И неудивительно, что в кабинете обнаружены всего три отпечатка пальцев. И все три принадлежат покойному...

– Я вам больше не нужен, инспектор?

Фогель вздрогнул и посмотрел на врача. Он совершенно забыл о его присутствии.

– Да... Нет... Можете идти, – пробормотал Фогель.

Врач кивнул и покинул кабинет, едва не столкнувшись в дверях с Гансом Мюнхом – помощником инспектора Фогеля. Мюнх, как обычно, был возбуждён, взлохмачен и взволнован. В первые дни своего знакомства с ним Фогелю казалось, что у Ганса произошло какое-то важное жизненное событие – либо развод, либо получение наследства, либо конфликт с налоговыми службами. Но вскоре Отто Фогель понял, что это волнение было для Мюнха обычным состоянием. И даже повода никакого не требовалось – Ганс Мюнх, казалось, был встревожен самим фактом своего существования на белом свете. Впрочем, сейчас-то причина для волнения у него имеется, подумал Фогель.

– Ничего нет! – возмущённо воскликнул Мюнх, разводя руками. – Никаких следов, никаких зацепок! Весь дом облазили!

Мюнх неодобрительно посмотрел вслед врачу, словно в том, что в доме не обнаружено бомбы, была именно его вина. Затем он покосился на труп старика, лежащий на ковре возле стола, и покрутил головой.

– Похоже, вызов был ложным, – добавил Мюнх.

– Ложным! – фыркнул Фогель. – А это что? – он кивнул на труп. – Ложный вызов?

Ганс Мюнх промолчал.

– Деньги? Драгоценности? Картины? – Фогель вопросительно посмотрел на Мюнха.

– Нет, – ответил тот. – Нет и, судя по всему, не было.

– Счёт? – Фогель продолжал смотреть на своего помощника.

– На его счету всего пять тысяч евро, – пожал плечами Мюнх.

Пять тысяч. И никаких ценных вещей в доме. Хотя...

– Опечатать дом, – распорядился инспектор Фогель. – Каждую комнату, каждый шкаф и выдвижной ящик. Особое внимание уделить этому кабинету. Насколько я понимаю, где-то тут должна храниться коллекция почтовых марок. И коллекция эта, если я не ошибаюсь, очень ценная...

* * *

Инспектор Фогель сидел за столом в своём рабочем кабинете, подперев голову руками и уставившись на девственно чистый лист бумаги, лежащий перед ним. «Что мы имеем?» – думал инспектор.

Во-первых, – труп...

«Нет, труп – это не „во-первых“, – поправил он сам себя. – „Во-первых“, – это телефонный звонок...»

Вчера, третьего марта, в 9.20, в четвёртый полицейский участок позвонил неизвестный и сообщил о готовящемся террористическом акте. По его словам, в подвале дома номер 32 по Бергштрассе, находилось взрывное устройство большой мощности, снабжённое к тому же часовым механизмом. Взрыв должен был прозвучать в 10.00, как раз в тот момент, когда учащиеся школы-интерната, расположенного по соседству, в доме номер 30, выходят на прогулку. Обычный их маршрут пролегал по Бергштрассе к Летнему парку на Александерплац, как раз мимо дома номер 32.

Спешно высланный отряд полиции оцепил участок предполагаемого взрыва и эвакуировал детей и жителей близлежащих домов. Эвакуация завершилась в 9.55.

В 10.30 на место несостоявшегося террористического акта прибыл инспектор четвёртого полицейского участка Отто Фогель с группой расследования.

В 10.50 группа проникла в дом номер 32, предварительно взломав парадную дверь (можно было взломать и дверь с чёрного хода, но Фогель был очень уж зол на неизвестного шутника). В 10.53 полиция приступила к осмотру дома, и в 11.02 обнаружила в кабинете на втором этаже тело без признаков жизни.

Им оказался владелец дома, Йозеф Полонски, семидесяти двух лет, причина смерти – отравление цианидом. Смерть наступила незадолго до появления в доме полиции – тело ещё не успело остыть.

Сегодня, в 8.00, когда Фогель пришёл в участок, его уже ждало заключение экспертов...

Инспектор встрепнулся и полез в ящик стола за заключением. Ему показалось, что читая его, он упустил что-то очень важное.

Фогель торопливо пробежал глазами текст заключения. Фрагмент листа почтовых марок, конверт с маркой, вложенный в него листок с текстом... Ага, вот!

«...Почтовые марки стандартного выпуска 1999 года, номинал – 10 пфеннигов, номер по „Каталогу почтовых марок Михеля“ – 2009-С. На марках имеется дополнительно нанесённый клеевой слой (поверх оригинального клеевого слоя) со значительным содержанием цианистых солей, способных при попадании в организм представлять опасность для жизни человека. Марка, приклеенная к конверту, отделена от фрагмента листа, состоявшего из шести почтовых марок, и обладает всеми признаками, имеющимися у остальных марок. На марках

обнаружены отпечатки пальцев, принадлежащие Йозефу Полонски. На конверте обнаружены отпечатки пальцев восьми различных людей. В том числе – Йозефа Полонски...»

Фогель задумчиво пожевал губами. На марках лишь отпечатки пальцев Полонски. Но ведь он должен был эти марки где-то купить. На конверте, например, отпечатки многих людей, а на марках – лишь его. Или продавцы почтовых марок пользуются перчатками?

Фогель вдруг вспомнил виденный им где-то фильм, в котором один филателист показывает другому редкую марку, держа её пинцетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.